

ности в целом, живописи и религии».¹⁹⁵ Только общее культурное единство могло создать почву, на которой в сравнительно короткий промежуток времени могло вырасти и развиваться культурное движение столь важного значения, как «второе южнославянское влияние» в литературе. Нам представляется, что этот новый литературный стиль родился на славянском Афоне в XIII—XIV вв. на основе мистико-аскетической литературы, особенно в агиографии; XIV столетие внесло в содержание этой литературы некоторые новые элементы из круга религиозных и философских идей, которые проявились и выкристаллизовались в исихастском движении; во второй половине XIV в. новую внешнюю форму дали славянским текстам новое, архаизированное правописание и новая графика полуустава. В этой ключевой форме этот афонско-славянский литературный стиль перешел на Русь в последней четверти XIV в. с волной южнославянских текстов, послуживших образцами для русской письменности XV в.

А. И. Соболевский, установив очевидный факт, «что между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию»,¹⁹⁶ указал на его «революционный характер», отразившийся без переходных моментов в целом ряде явлений. Это проявилось в содержании текстов, дающих или ряд дотоле неизвестных на Руси переводов, или новые редакции Евангелия, Апостола, Псалтири, богослужебных миней и других сборников церковных песнопений; в письме, где «младший» полуустав южнославянского типа сменил «старший» русский полуустав, который в XIV в. органически развился из русского уставного письма; в иллюстрировании рукописей, где русский тератологический орнамент уступил место балканскому геометрическо-растительному стилю; в правописании, где проявляются тогдашняя болгарская и сербская тенденции к обособлению литературного языка от народного разговорного, архаизация орфографии и стремление приблизить ее к «материнскому» греческому языку. «Революционность» явления естественно ставит вопрос о конкретных причинах происшедших перемен, т. е. о тех предпосылках в русской письменности, которые дали возможность указанным южнославянским особенностям быстро привиться на Руси, и о тех особых условиях исторической обстановки, которые способствовали проникновению на Русь большого числа южнославянских рукописей. Ответ на первый вопрос дан предшествующим обзором данных о литературных взаимовлияниях между Русью и славянскими Балканами в течение XIII и XIV вв. и о наличии общего интеллектуального движения «предвозрождения» в рамках православного мира, которое в XIV в. проявилось в целом ряде областей культуры. Ответ на второй вопрос, кажется, еще недостаточно уточнен.

Обычно появление второго южнославянского влияния в русской письменности связывается с южнославянской эмиграцией в Восточную Европу в эпоху завоевания Балкан турками. В известной мере это мнение справедливо, поскольку быстрое завоевание сербских и болгарских земель после Коссовской битвы 1389 г. заставило многих южных славян уйти с родины на север. В первой половине XV в. в России появляются наиболее выдающиеся представители нового литературного движения: Григорий Цамблак в 1409 г. в Москве и Пахомий Логофет в 1438 г. в Новгороде. Но начало этого культурного движения не могло стоять в причинной связи с южнославянской эмиграцией. Друг патриарха Евфимия Киприан,

¹⁹⁵ Лихачев, стр. 16.

¹⁹⁶ А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, стр. 6.